Окуджава Булат

11.2.95.

Булат Окуджава:

"Я был ранен под Моздоком"

Комс. правда. - 1995. - 11 февр. - с. 4.

Если его синий троллейбус еще бегает по этой земле, значит, не все в нашей жизни потеряно

- Булат Шалвович, наверное, многие задумываются над тем, кем вас называть - поэтом, прозаиком, бардом?

- Я большой разницы между стихотворениями и прозой не вижу. Просто есть формальная разница, а, в общем-то, везде я рассказываю о себе. Как умею. У меня нет такого жанра, как песни. Есть стихи, которые я напеваю под аккомпанемент. Это - способ исполнения.

Я пишу стихи всегда, а о прозе думаю. Какие-то сюжеты появляются в голове, но только не знаю, смогу ли их осуществить, потому что с возрастом многое потерял. Не знаю, буду пробовать. Вот, например, один сюжет мучает меня уже давно. Представьте себе, случилось так, что Емельян Пугачев победил и стал императором, и что из этого получилось...

- Когда вы изучали историю Российской империи, не показалось ли вам, что суть ее бед вовсе не в наименовании строя, а в чем-то глубинном, ином?

- Меня совершенно не удивляют беды России, меня они огорчают и сокрушают. Не удивляют уже давно, потому что я, как мне кажется, хорошо знаю российскую историю. И думаю, что большевики были неглупыми людьми и прекрасно понимали, с кем имеют дело. Они просто усугубили те отрицательные качества, которые были в России на протяжении веков. Они воспользовались этим вместо того, чтобы искоренять. Когда они крикнули "Грабь награбленное!", они ведь знали, кому кричат.

- Так что же с нами происходит, если в полночный синий троллейбус сейчас бывает опасно войти и его пассажиры, если и матросы, то словно с неприятельского корабля?

- Вы сейчас поэтический образ подводите к практическим нашим делам. Синий троллейбус остается все равно. И какая-то часть людей остается, на кого можно опереться. А иначе зачем жить?

Конечно же, ситуация изменилась. Меня это тоже не удивляет, потому что мы долгие годы существовали под палкой. Палка создавала видимость внешнего благополучия. Такой флер - дружба народов, выполнение плана... А когда палку убрали, подлинное наше лицо вышло наружу.

- Но ведь дружба народов не была совсем уж эфемерным понятием?

- Да, дружба народов была. Между людьми мыслящими, достойными, между личностями. А в широком смысле - нет. Вот я вспоминаю, например, годы своего студенчества в Грузии, когда в Тбилиси жило очень много армян, евреев, русских. Все было замечательно, но иногда я слышал, например, такие фразы: "Он - армянин, но хороший человек". Так, знаете, между прочим. А я чувствовал за этим большую глубину.

У Сталина, хоть я его терпеть не могу, есть очень точная заметка, что до революции вся промышленность в Грузии, богатства были сосредоточены в руках армян, как более деловых людей, приспособленных к постоянному кропотливому труду. Даже грузинские князья, по сравнению со многими из них, были беднее. Конечно, возникал антагонизм. Все это было и никуда не исчезло.

А в России никогда не знали, что такое свобода. Волю - знали. Свобода, ограниченная рамками закона, это для нас непонятно. Всегда в истории России было неуважение к закону, который, что дышло, куда повернешь - туда и вышло. Пока этого не поймем, ничего не будет.

- Так и сейчас человека ни во грош не ставят. Не изменили ли вы точку зрения по поводу октябрьских событий у "Белого дома"?

- Нет, в принципе не изменил. Обо мне ходят разговоры - с целью провокации слухи запущены в прессу,- что я наслаждался, видя, как расстреливают людей в "Белом доме". Это - ложь. Но я всегда утверждал, что, когда рождается демократия, ее надо защищать. Способов для этого очень много. Совсем необязательны танки. То же самое, что сейчас происходит в Чечне. Это такое преступление, что дальше уж некуда! Когда свой же народ уничтожают из всех видов оружия. Да еще при этом некоторые руководители выражают удовлетворение. Это тоже примитивность мышления: раз ты со мной не согласен, я тебе - по морде! Преступление в Чечне совершили не злые негодяи, а бездарные посредственности, которые других способов разговора с обществом не знают. Полуграмотные, невежественные, темные, но дорвавшиеся до власти.

Некоторые пытаются сравнить Афганистан и Чечню. Это совершенно разные вещи. Афганская война - отвратительная война, но в другом государстве. Чечня же - наша территория. Говорят, там бандформирования. Но Москва тоже переполнена бандформированиями. Что ж, тогда надо бомбить и ее?

- Так где же наши разумные политики, пекущиеся о благе страны?

- Мне трудно выступать в роли политолога. Например, я, бывает, обольщаюсь в отношении человека, а потом приходит разочарование. Мне говорят, что Ельцину пока нет альтернативы при всех его недостатках. Я был согласен и его очень активно поддерживал. Но, когда увидел на экране чеченских и русских детей без ног и без рук, для меня все кончилось.

Вот я очень хорошо относился к Козыреву. Мы были знакомы, иногда общались. А теперь я увидел, что он обыкновенный приспособленец в политической жизни. Мне он неприятен. Или посмотрите на Грачева - сразу все поймете. А Степашин, вчерашний пожарный? Теперь он ведает ФСК и произносит мудрые вещи.

Мне очень нравится Гайдар. Образованный, талантливый, порядочный, не хапуга. Но у него - масса ошибок.

- А что вам не нравится в людях?

- Я не люблю, когда за чужой счет стараются выдвинуться. Есть такая мода у нас - облить помоями. У меня даже есть четыре строчки на эту тему, правда, с одним крепким словцом: "Чтобы известным стать, ненадобно горенье, а надо обосрать известное творенье".

- Булат Шалвович, когда возникла мысль написать роман "Упраздненный театр", за который вы, кстати, получили в прошлом году Буккеровскую премию?

- Я совершенно не был готов к премии. Но счастлив, что получил, потому что деньги дают. Никто не отказывается в наши дни от денег. Я совершенно не обольщаюсь на свой счет и не считаю, как сказано в постановлении, что он был лучшим романом в 1994 году. Мне повезло, большинство голосов было за меня. Думаю, что остальные романы были не менее достойные, чем мой.

До этого я написал много автобиографических рассказов. И как-то очень давно, лет 30 назад, один мой приятель, которому я рассказывал всякие эпизоды из своей жизни, сказал: "Возьми напиши такую повесть о детстве, юности". Я подумал, что, возможно, это будет интересно. Постепенно это все накапливалось, пока я не решил написать большой автобиографический роман. Написал "Детство - 30-е годы", потом решил писать "Юность", потом - "Молодость". Но написал вот про детство, и дальше уже не хочется, как будто я весь выложился.

- Когда ваша мама вышла из сталинского ГУЛАГа, вы вели с ней разговоры на эти темы?

- Очень много. Но я был уже другой. Мы единственно на чем сходились в те годы, когда она вышла, что Ленин был хорош, а Сталин все испортил. На этом мы сходились, а на многом другом нет. Даже, когда в Чехословакии начались известные события, она говорила: "А как же мы могли не ввести туда войска, ведь немцы уже готовились напасть!" Но к концу жизни она многое стала понимать, и однажды в момент нашего очередного политического спора она вдруг посмотрела куда-то мимо меня и крикнула: "Господи, что мы наделали!"

- Булат Шалвович, несмотря на то, что ваши родители были репрессированы, в 57-м году вы написали песню про комиссаров в пыльных шлемах...

- А почему бы и нет? Я от нее не отказываюсь и сегодня.

- Вы поете ее сейчас?

- Нет, я ее не исполняю, мне трудно уже ее исполнять. Потом я встречал в детстве и юности бывших комиссаров гражданской войны, прекрасных честных людей, но тоже слепых... Я был очень красным мальчиком, очень. Так меня воспитывали. Когда арестовали родителей, мне было очень горько. Но из-за того, что я не распознал врагов раньше. Потому что наши красные чекисты не ошибались, в чем я был уверен в свои 12 лет. Потом я начал себя утешать, и даже моя тетя мне немного в этом содействовала. В конце концов сложилась для меня такая утешительная картина, что мои родители не арестованы, а куда-то их отправили по важному заданию, но сделали вид, что их арестовали, чтобы сохранить все в тайне.

- В 1942-м вы ушли на фронт, в пехоту. Когда и где вы были ранены?

- Под Моздоком, в декабре 42-го. Опять Моздок... Недавно у нас была встреча в ПЕН-центре и пришел туда мальчик-лейтенант, вернувшийся из плена. Он был ранен под Моздоком и попал в плен. Я услышал и спрашиваю: "А куда вас ранили?" Он отвечает: "В ногу". Я протянул ему руку и говорю: "Я тоже был ранен под Моздоком в ногу". Он обалдел. Он меня там не видел. "Нет,- говорю,- это было в 42-м году".

- Булат Шалвович, а вам не больно, что распалась огромная страна?

- Нет, все это было поверхностно, искусственно и лживо. Мне больно за переход, за страдания людей, за нищету. Люди в этом по-настоящему не виноваты.

- Но вместе с тем вы говорили, что все мы советские люди. Как вы относитесь к советским терминам - нацмен, лицо кавказской национальности?

- Да я и сам такое же лицо.

- Вот-вот, бывает обидно, когда в Москве тебя из всего потока людей останавливают и просят предъявить документы.

- Это распоряжение Лужкова. Может быть, это от страха, а может быть, от того, что он всю жизнь на этом воспитывался втайне, а теперь у него есть возможность это проявить. Просто многим внушали с детства: ты русский, понимаешь, ты нормальный человек, а эти всякие там чучмеки... Что касается моей нацпринадлежности, я ею никогда особенно не интересовался. Меня вообще это ни в ком никогда не интересовало. Мне важно - хороший человек или нет. Родился я на Арбате, родной язык - русский, на русской культуре воспитан. Я ощущаю себя часто большим русским, чем многие Скворцовы, Ивановы и Степановы. То есть больше погруженным в эту культуру, больше связанным с ней.

Карен МАРКАРЯН,
/Наш соб.корр./.
Рига.

Фото
Владимира БОГДАНОВА.